

A black and white, halftone-style portrait of a middle-aged man with a beard and glasses, looking slightly to the right. The image has a grainy, dotted texture.

АЛЕКСЕЙ МАЛОБРОДСКИЙ

СЛЕДСТВИЕ РАЗБЕРЕТСЯ

**ХРОНИКИ
«ТЕАТРАЛЬНОГО
ДЕЛА»**

Алексей Малобродский
Следствие разберется.
Хроники «театрального дела»
Серия «Время моё»

<https://litres.ru/51872732>

*Следствие разберётся. Хроники «театрального дела»:
ISBN 978-5-17-118984-6*

Аннотация

<p>Автор, один из фигурантов громкого «театрального дела» режиссёра Кирилла Серебренникова, рассказывает историю своего «сопротивления». Книга эта – одновременно и триллер, и крутой детектив, и готический роман ужасов, это и жесткий памфлет, и автобиография. Но как бы ни определить её жанр, это повествование о стойкости, верности убеждениям и своему делу.</p>

Содержание

I	5
II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Алексей Аркадьевич
Малобродский
Следствие
разберётся. Хроники
«театрального дела»**

Моей жене Тане

© А.А. Малобродский, 2020

© А.Е. Знаменская, иллюстрации, 2020

© Михаил Почуев/ТАСС, фотография на обложке, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

I

Звонок скрипнул коротко, суетливо, поначалу, казалось, застенчиво. Потом ещё и ещё раз, уже нервно, срываясь в

истерику. Будильник звучит иначе. Кажется, ещё нет семи. Соседи? Открыть глаза, нащупать шлёпанцы, халат, проверить, не текут ли краны и трубы на кухне, в ванной, добрести до двери. В маленькой однокомнатной квартире на всё – несколько шагов, несколько секунд. Вслед за телом просыпается сознание. Сегодня предстоит много дел: важная встреча, я добивался её две недели; в университете обсуждение моей программы театрального факультета; открытие выставки, вечеринка... не забыть, успеть...

В приоткрытую дверь мгновенно просунулись нога и плечо доблестного оперативника. Несколько мужчин, сгрудившихся за его спиной, всем своим видом выражали развязную решимость, сквозь которую, однако, странным образом просвечивало лёгкое замешательство. Будто бы по отношению ко мне у них не было безусловно одобренного, согласованного намерения. Два следующих года подобное ощущение будет возникать у меня с появлением каждого нового персонажа, на каждом повороте истории, начавшейся в то утро и не законченной до сих пор.

Нельзя было допустить, чтобы свора незваных гостей оказалась в комнате, где ещё спала моя жена; я заорал на них хриплым спросонок матом. Удивительно, но они остановились. Одевшись, я потребовал и внимательно прочитал ордер, затем впустил их. Несколько сотрудников московского Следственного комитета, с ними не представившийся прыщавый переросток, а также курсанты-полицейские в каче-

стве понятых. Это был обыск. На вопрос, какие запрещённые предметы имеются в квартире, я ответил: только те, которые вы, наверное, принесли с собой.

Месяцем раньше СМИ, кажется, всего мира сообщили об обысках в «Гоголь-центре» и в квартирах Кирилла Серебренникова и связанных с ним работой в театре и проекте «Платформа» людей. Бывший гендиректор «Платформы» Юрий Итин даже удостоился задержания и был помещён под домашний арест. Меньше повезло бухгалтеру Нине Масляевой, оказавшейся за решёткой. Чем руководствовался суд, избирая моим бывшим коллегам различные меры пресечения, остаётся для меня загадкой. Писали, что им предъявлено обвинение в хищении одного миллиона двухсот тысяч рублей, перечисленных некой компании по фиктивному договору. Такое обвинение никак не объясняло полутора десятков эффектно проведённых обысков с собаками и вооружёнными омоновцами в масках. Я был первым генеральным продюсером «Платформы», но в 2014 году, когда по версии следствия произошло хищение, минуло уже почти два года, как я оставил этот замечательный проект. Я ожидал, что буду вызван для пояснений. Друзья призывали меня к осторожности, предлагали уехать. Я снисходительно посмеивался над такими советами – ведь я не нарушал закон, в делах был аккуратен, а потому уверен, что меня невозможно в чём-либо обвинить.

В крошечной съёмной квартире было совсем немного ве-

щей. Через десять дней мы собирались перебраться в нашу новую подмосковную квартиру. Там пока не было мебели и продолжался ремонт, но из соображений экономии было решено обустраивать её как-то по ходу. Зимние вещи, кухонный скраб и библиотека хранились в арендованной складской ячейке. В общем, обыскивать было особо нечего. Пароли от наших мобильных телефонов и ноутбуков мы просто-душно сообщили, документы предъявили. Всем было скучно. А нам с Таней – отчаянно противно. Никто из ворвавшихся в наше утро людей не отличался обаянием, а с учётом обстоятельств все они вызывали брезгливое и одновременно опасливое чувство. Впрочем, мы были сдержанны и насколько возможно вежливы. Один из пришельцев сообщил, что мне придётся поехать с ними, и спросил, готов ли я дать показания. Конечно, я был готов. «Правильные показания», – уточнил слуга закона. «Нет, – ответил я, – правдивые». Последовал дурацкий диалог, как в очень тупом скетче. Он несколько раз повторил «правильные», а я столько же раз ответил «правдивые». Мы по-разному понимали значение слова «правильный». Тем не менее мой собеседник сообщил кому-то по телефону, что я веду себя адекватно и со мной можно работать. У нас изъяли ноутбуки, айпады, телефоны, часть документов и записных книжек. Корявым, нечитаемым почерком составили протокол. С трудом разобранным написанное, мы подписали.

Таня и несколько следователей с понятыми поехали в на-

шу квартиру. Поскольку в ней было пусто, обыск там прошёл ещё быстрее и скучнее. Тем временем другая группа препроводила меня в управление Следственного комитета по Москве на Новокузнецкой улице. Доробгой я позвонил адвокату Ксении Карпинской. Она, как оказалось, была не в Москве, но пообещала направить мне на помощь кого-нибудь из коллег.

Во дворе и коридорах здания Следственного комитета было немногочисленно, но суетливо. Каких-то людей быстро заводили в кабинеты; из-за других вопросительно выглядывали сотрудники, как бы интересуясь, можно ли выйти. Было ясно, что это как-то связано со мной. Одну женщину, всё же попавшуюся мне на глаза, я хорошо знал: Лариса Войкина работала в «Седьмой студии» и – недолгое время – в «Голь-центре».

Следователь представился невнятной скороговоркой. Так говорят сотрудники ГИБДД, когда беспричинно останавливают машину. В их утомлённых глазах отчётливо прочитывается сумма, и они искренне сокрушаются, если водитель не проявляет достаточной сообразительности и чуткости. Я дотошно переспрашивал имя, должность и место службы. Следователь, раздражаясь, но раз от разу громче и чётче повторял: «Следователь по особо важным делам Первого следственного отдела Второго управления по расследованию особо важных дел о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики Главного следственного управ-

ления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве капитан юстиции Федутинов Игорь Николаевич». Звучало это одновременно угрожающе и нелепо и будто даже немного лестно: не баран чихнул, люди серьёзные. Любопытство во мне боролось с недоумением, страх и растерянность – со смешливостью. Капитан порывался немедленно «просто поговорить», призвал меня быть откровенным и «рассказать всё». Вероятно, я должен был понимать, что именно от меня хотят услышать. Я искренне не понимал. Федутинов огорчился. Не зная, как его утешить, я объявил, что готов «рассказать всё», когда придет адвокат.

Вскоре прибыла Юлия Лахова, высокая красивая женщина; осторожная походка и едва заметная округлость выдавали раннюю стадию беременности. С её появлением стало легче и спокойнее, хотя полностью одолеть волнение не получалось. Суета, мелькание сменяющихся лиц, кажущаяся случайность и бестолковость вопросов, беспокойство о Тане, ещё не вернувшейся после обыска, досада из-за несостоявшихся встреч и отменённых дел, невозможность позвонить, усталость и голод – всё раздражало, вызывало головную боль. Федутинов, уже составивший представление о моей несговорчивости, поручил допросы своим помощникам. Их было трое. Первый явно тяготился работой, вопросы задавал устало, без малейшего интереса. Зато нас с интересом слушал анонимный переросток, вертевшийся среди прочих у нас дома во время обыска. На требование адвоката Лахо-

вой объяснить, кто этот человек и на каком основании присутствует, проводивший допрос следователь мрачно пошутил: «Это моя совесть». Как удалось реконструировать много позже, это был фээсбэшный филёр Авдеев, якобы следивший за мной и накропавший дикую, от первого до последнего слова лживую справку, на основании которой меня арестовали.

Допрашивали меня сначала как свидетеля по делу, возбуждённому в отношении Юрия Итина и Нины Масляевой, несколько не смущаясь тем, что ко времени совершения вменяемого им преступления я полтора года не работал в «Седьмой студии». А по окончании объявили, что теперь я буду допрошен уже в качестве подозреваемого по статье 159, часть 4 – «Мошенничество в особо крупном размере». В чём именно меня подозревают и каковы основания подозревать меня в чём бы то ни было, никто мне не объяснил.

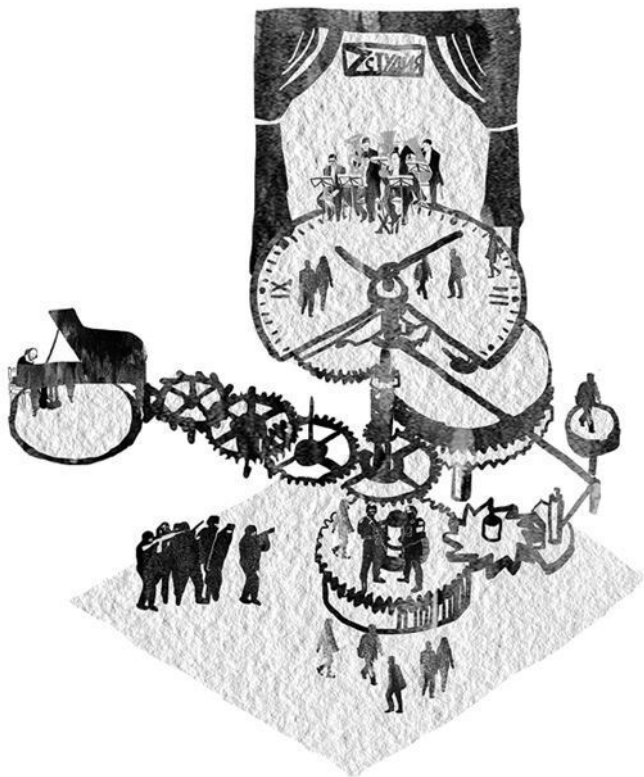
Между тем в сопровождении оперативной группы приехала Таня. На «Платформе» она не работала ни дня, к «Седьмой студии» никогда не имела отношения. Тем не менее её также допросили как свидетеля. Юлия Лахова не могла разорваться между нами. И Таня по праву, предусмотренному 51-й статьёй Конституции, отказалась отвечать на любые вопросы. Следователь и не рассчитывал получить от неё какую-то информацию – просто, делая из моей жены свидетеля, они предусмотрительно создавали ещё один инструмент давления на случай моей несговорчивости. Позже я осознал,

что все события того длинного дня строились по стандартному, тысячи раз опробованному органами шаблону и финал был заведомо предопределён уже принятыми кем-то решениями.

Следующий допрос практически полностью повторил вопросы предыдущего. Мне давали понять, что располагают печальными для меня показаниями бывших коллег, якобы меня недолголюбивающих, намекали на недружелюбное наше с Кириллом расставание в «Гоголь-центре». Провокации были навязчивыми, но довольно неуклюжими. С каждым вопросом становилось яснее, что от меня ждут компромата на Серебренникова. Этот допрос по очереди проводили два следователя, располагавшиеся в разных кабинетах. Мне не забыть один из них: как все прочие, пыльный, захламлённый бумагами и уродливой, будто случайной мебелью, с плохим раздражающим глаза светом, он имел нелепые пропорции поставленного на узкую поверхность параллелепипеда. Стены украшали яркая икона и парадный портрет генералиссимуса Сталина.

В восьмом часу вечера на меня надели наручники. В коридоре, наскоро прощаясь с измученной и изумлённой Таней, я посоветовал ей провести вечер с друзьями, сообщить о случившемся и попытаться отвлечься.

II

Юрий Итин, мой товарищ со студенческих времён, спросил по телефону, чем я занят и как добываю хлеб насущный.

Я уже месяц был совершенно свободен после увольнения из театра «Школа драматического искусства».

Увольнению предшествовало такое обстоятельство: некая маленькая телекомпания на голубом, что называется, глазу требовала бесплатно отдать ей для съёмки передачи один из залов театра. Ссылались на какие-то договорённости с начальством. Звонила Галина Валентиновна Лупачёва, заместитель московского министра культуры, и со значением шипела в трубку, что надо бы помочь. Но отказалась направить письменное распоряжение. Не в силах понять, почему государственный бюджетный театр должен отменить репетиции и спектакли, а свой зал бесплатно предоставить частной коммерческой структуре, я отказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.